

Рождественское

В городе снег –
вместо перил,
вместо мостов –
всюду.

Мать, грустя,
станет седа
и синева
выше.

И человек
двери открыл,
верить готов
чуду...

В мир на «Распи!»,
в мир на «Воскрес!»
послан Отцом
птенчик.

Зимняя стынь.
Белая вязь.
Ангел летит
в руки.

В мире, где пни,
вырастет лес.
Станет венцом
венчик...

Вышняя синь
не шевелясь
в ясли глядит
в муку.

Тихо вяясь,
падает снег,
чист, легкокрыл,
вечен.

В яслях дитя.
В небе звезда.
В путь свой волхвы
вышли.

Чуду дивясь,
вновь человек
двери открыл.
Вечер...

* * *

В зимние месяцы, в стальные месяцы
хочется солнца в окне – хоть убей!
Ангелы ссорятся ль? бесы ли бесятся?
Прячет свой клюв под крыло воробей.
Улица – белой эмалевой линией.
Поднял прохожий рывком воротник.
Небо над городом – ссадиной синею –
грудно ползёт, как гигантский ледник,
и разбивает стеклянные заводы,
с грохотом глыбы упрямо дробя...
...в окнах, ослепших от мрака и наледи,
так угадать невозможно тебя.

Из просветов, скважин я к тебе – поить.	и в любовь свивают с головы до пят.
Сутолочь в пейзаже – некогда любить.	В сонном приговоре – некуда бежать! –
Сложен быт и слажен: пресен день, как мел, ночь на землю – сажей, смог – так уцелел.	мне, как дышит море, рядышком дышать, чтобы боль на убыль – в тоненькую нить, чтоб в истоме губы простонали: «Пить...»
Только сны не знают, что давно распят,	

Ангел

В час намоленный и тихий
в неприкаянный мой быт
ты войдёшь, как входят блики,
и останешься, чтоб быть.

Ликом светел, станом узок –
весь из снега и огня.
Ты – смычком для горних музык –
и совсем не для меня.

Я подумаю, конечно,
что устал ты от забот.
Угощу тебя черешней.
Дам тебе, что Бог даёт.

О тарифах и проблемах
я не стану воду лить:
жизнь – не новая дилемма,
чтобы заново пилить.

И о ветреном пейзаже
умолчу, что за окном.
Ничего в ответ не скажешь
ни об этом, ни о том,

даже взглядом не обнимешь –
где услышать нас, земных...
...только молча сердце вынешь,
только тихо крылья снимешь,
чтоб попробовать без них.

Удочери меня, мой ясный свет.
 Как небо – землю и как месяц – звёзды.
 Возьми туда, куда другим не след.
 Вдохни в себя, как ты вдыхаешь воздух.

В течение, в мелодию, в тоску
 своей реки тайком возьми... послушай,
 как я читаю бережно строку,
 которая твою читает душу.

Возьми в ладоней тёплое кольцо,
 как яблоко последнее из сада,
 где снегопад забил моё лицо –
 там, где душа, лица уже не надо, –

где яблони распяты на снегу
 и умер сад, заброшен и завьюжен...
 Возьми туда, куда я не могу,
 в ту невозможность взять – возьми...
 и глубже.

ничей

выше небушка не вырасти
 ни на суше, ни в воде.
 нет на свете большей сирости,
 чем свивать гнездо нигде.
 прописался глупый скворушка
 в раззолоченном раю.
 как живётся, серо пёрышко,
 у могилы на краю?

горизонт забит скворечнями
 в той заморской стороне,
 двухэтажными, нездешними
 да пустыми – в глубине...

а у нас снежинки мечутся
 как рыбёшки...

но зато
 минареты в полумесяцах
 в том краю, где ты никто,
 богородицы по улицам

да спасители...
 не те?..

а у нас – Один...
 сутулится,
 воскресает на кресте...
 а в окне – всполох рябиновый –
 рай оседлых снегорей...

а в твоём – горчит чужбиною,
 ночь – темнее, день – серей,
 оттого и бродишь за морем...

а у нас – белым-бело,
 на просвет – всё то же самое,
 с небом дружится крыло,
 только к прозе мы привычные:
 горы – снега, вёдра – щей –
 хорошо до неприличия!..

чей ты, скворушка ничей?

* * *

Выстоять – как трава –
в море пламени, в мире пепла,
вынянчить те слова,
что растут, чтоб душа не слеpla,
вышептать те пути –
неизменные – что наружу,
выдышать то «прости»,
без которого вдох не нужен.

* * *

Скрипучее дерево два века стоит.

Дай руку. Шаг тяжёл, как вдох.
Как камень, вымытый потоком.
Давно решивший: Бог оглох,
ты – за окном скрипучий тополь.

Но птицы к ним весной летели
и вили гнёзда меж ветвей.

Как будто мало тополей
боль хоронящих в стройном теле.

И как лучисто и светло,
как зыбко, радостно и свято
перетекала боль в тепло,
чтоб в каждой почке быть распятой.

Дудки

Есть дудки разные.
Одни –
дыханием живут,
и ноты путают они,
и чисто не поют
в чужих руках,
как соловей
стал в клетке б доживать,
о ветке думая своей...

Другим –
на все плевать.
За неумолчный звон монет –
талант,
как пёс,
издох –
продать готовы белый свет
и верят:
с ними – Бог.

* * *

По ангелу – тебе, и мне, и всем.
Как будто божьих тварей миллионы
и лучшее из редкостных поэм
запрято в их шёпоты и звоны...
Ты несозвучен. Ты – не ко двору.
Ты – диссонанс в мажоре и в миноре...
Тогда хотя бы по крылу, перу,
по голосу, что в ангеловом хоре
срывается до бездновых высот,
где места нет ни свету, ни блаженству...
И если вдрызг, фатально не везёт,
тогда хотя б по шелесту...
по жесту...